

Когда зазвонил телефон, Нин Цюянь стоял в дверях гостевой комнаты и смотрел, как Су Цзяньчжоу застилает ему постель.

Они сдружились ещё когда Су Цзяньчжоу было четырнадцать-пятнадцать; потом тот окончил университет и вернулся — а они были всё так же вместе. Даже если не созванивались неделями, при встрече казалось, будто и не расставались.

Су Цзяньчжоу тоже жил один. Вещей у него скопилось столько, что на расчистку гостевой ушло несколько дней, — зато теперь им не придётся спать на одной кровати.

Рукава свитера были натянуты до самых пальцев, прикрывая ледяные руки Нин Цюяня.

Он перевернул телефон, зажатым в ладони. На экране высветился незнакомый номер.

Решив, что это ответ на одну из разосланных заявок о работе, он отступил на несколько шагов в гостиную Су Цзяньчжоу:

— Алло?

Раннее утро. В гостиной горела только одна лампа.

Нин Цюянь стоял на границе света и тени. После короткой паузы он услышал, как на том конце произнесли его имя.

— Нин Цюянь.

Мгновенная волна онемения прокатилась от уха до самого позвоночника.

Голос звучал издали и в то же время казался знакомым.

Тот голос, который ему так и не удалось забыть.

Несколько секунд он не знал, как реагировать. Открыл рот — и не смог выговорить ни слова.

Это был Гуань Хэн.

Гуань Хэн, похоже, только проснулся — или, наоборот, собирался ложиться: в конце фраз проскальзывала едва уловимая хрипотца.

— Ты слушаешь?

— Да!

Вышло слишком громко — даже Су Цзяньчжоу выглянул из комнаты.

Нин Цюянь немного взял себя в руки и понизил голос:

— Здравствуйте, господин Гуань. Я слушаю.

— Где ты? — спросил Гуань Хэн.

— У друга.

Нин Цюянь говорил быстро — от волнения. Он догадался: наверное, сегодня он не появился на пирсе острова Ду, и потому Гуань Хэн позвонил сам.

Его захлестнуло острым чувством вины за нарушенное обещание.

— Простите, я отправил письмо вашему контактному лицу, объяснил ситуацию. Он не ответил, и я не знаю, прочитал ли он его, но...

Гуань Хэн перебил:

— Он прочитал.

Через телефон Нин Цюянь не видел лица Гуань Хэна.

Но тон был почти таким же, как в ту ночь на заснеженном берегу озера, — ровным и лаконичным.

И тогда Нин Цюянь услышал:

— Но ты мне нужен.

«Ты мне нужен».

В ту секунду, когда эти слова коснулись слуха, лицо Нин Цюяня начало заливаться краской.

Он прижал ладонь к лицу, не зная, куда деться от собственной реакции. В устах Гуань Хэна эти слова несли в себе какую-то неодолимую притягательность — и перед его мысленным взором

тотчас встал Гуань Хэн, сидящий в кресле и глядящий на него через комнату.

Всё внутри перевернулось.

Гуань Хэн мягко спросил:

— Ты приедешь?

Ресницы лихорадочно щекотали его ладонь.

Нин Цюянь чувствовал, что вот-вот задымится. Отказать было физически невозможно.

Гуань Хэн терпеливо выждал секунд десять — как будто заранее знал ответ — и произнёс:

— Продиктуй мне адрес, где ты сейчас.

Нин Цюянь продиктовал.

Гуань Хэн снова коротко подтвердил:

— Через двадцать минут спускайся. За тобой приедут.

Прошла целая минута после того, как связь оборвалась, а Нин Цюянь всё ещё стоял на месте.

Су Цзяньчжоу вышел, обнимая наполовину набитую подушку:

— Кто звонил? И чего ты такой красный?

Волосы у Нин Цюяня торчали в разные стороны.

— Это господин Гуань звонил.

— Гуань Хэн тебе звонил? — Су Цзяньчжоу удивился и тут же спросил: — Что случилось? Что-то не так?

Нин Цюянь покачал головой:

— Он сказал, что прийдёт за мной машину.

— Машину?

Краска с щёк Нин Цюяня немного схлынула. Он прикусил губу:

— Я всё-таки хочу поехать на остров. Всё будет в порядке.

Он сам не понимал, почему так вышло.

Он ведь не хотел ехать так скоро. Но сейчас, прямо сейчас, — он не смог противиться и согласился.

Это желание было упрямым, неодолимым: что бы Гуань Хэн ни попросил, отказать ему Нин Цюянь был не в состоянии.

Он ждал поездки на остров Ду — ждал так, что не мог себе в этом признаться.

Су Цзяньчжоу не стал удерживать.

Машина от Гуань Хэна — это всяко безопаснее, чем добираться одному до автовокзала, потом на автобусе до побережья и оттуда — на корабле.

К тому же так Су Цзяньчжоу хотя бы будет знать, где находится Нин Цюянь и с кем. А Гуань Хэн — фигура слишком известная, чтобы причинить ему вред.

Нин Цюянь быстро собрал вещи.

Он только-только переехал к Су Цзяньчжоу, всё лежало компактно, так что много времени не потребовалось.

Потом открыл телефон, на скорую руку скачал пару-тройку игр и встал у окна, глядя вниз.

Время подходило.

К подъезду подкатил чёрный седан — минута в минуту.

В такую погоду, не считая грязных брызг у колёсных дисков, весь кузов был отполирован до зеркального блеска.

Машина от Гуань Хэна.

Нин Цюянь закинул рюкзак на плечо:

— Я поехал.

Су Цзяньчжоу тоже увидел автомобиль внизу. Подошёл и обнял его:

— В понедельник утром я приеду к пирсу, заберу тебя.

Зная, как Су Цзяньчжоу загружен на работе, Нин Цюянь не стал капризничать:

— Не надо. Всё не так страшно, как тебе кажется.

И вышел.

Стоило ему появиться на другой стороне дороги, как водитель вышел и открыл ему дверь.

— Господин Гуань прислал меня за вами, — почтительно произнёс он. — Прошу, садитесь.

— Спасибо, — сказал Нин Цюянь.

Водитель показался ему смутно знакомым — чем-то напоминал одного из тех мужчин, что появились ночью на площади. Нин Цюянь невольно посмотрел на него ещё раз, но утверждать наверняка не мог.

Он захихнул рюкзак в машину и сел.

В салоне было тепло от работающей печки; на просторном заднем сиденье уже стояла картонная коробка.

Всю дорогу они почти не разговаривали.

Машина проехала через окраину Утуна, повторяя тот же маршрут, каким Нин Цюянь ехал на автобусе, добралась до побережья и свернула на узкую, почти потайную дорогу, по которой могла проехать только одна легковая машина, — напрямиком к пирсу.

Белый корабль уже ждал у причала.

В этот день было тихо, ни ветра, ни волн, и корабль стоял неподвижно.

Перед тем как Нин Цюянь вышел, водитель достал с заднего сиденья коробку и протянул ему:

— Господин просил передать: возьмите с собой.

Нин Цюянь удивился. Коробка оказалась довольно тяжёлой.

— Это с острова?

— Нет, господин купил это для вас.

Нин Цюянь совсем растерялся.

Поднявшись на борт, он увидел на палубе дядю Пина — тот выглядел хмуро:

— Пришёл.

С условленного времени прошло больше часа.

Дядя Пин, похоже, не знал подробностей. В прошлый раз он не раз и не два просил Нин Цюяня приходить вовремя, а тот опоздал уже во второй приезд.

Нин Цюянь извинился.

Дядя Пин ничего не сказал, лишь взял рацию и скомандовал отплытие.

Когда корабль подошёл к острову Ду, Нин Цюянь издалека заметил машину дяди Кана — она, как и в прошлый раз, уже стояла на пристани.

Нин Цюянь твёрдо решил: больше никогда не опаздывать. Заставлять всех ждать из-за себя было невыносимо.

С другой стороны, он ведь заранее предупредил письмом, что на этот раз не сможет приехать. Если контактное лицо его прочитало, почему тогда все выглядели так, будто нисколько не сомневались, что он всё равно появится?

За прошедший месяц дядя Кан ничуть не изменился — всё такой же бодрый.

Увидев Нин Цюяня, он тепло похлопал его по спине:

— Сяо Нин приехал! Как здоровье в этом месяце?

— Дедушка Кан, — Нин Цюянь прижимал к себе коробку. — У меня всё хорошо.

Дядя Кан с улыбкой кивнул:

— Садись.

За этот месяц на острове Ду, похоже, шёл нескончаемый снег.

Снежный покров лежал толстым слоем; на колёса машины надели цепи противоскольжения.

Ехали медленно.

Пейзаж по обеим сторонам неторопливо уплывал назад — всё те же места, что и в первый приезд, но из-за обильного снега каждый уголок выглядел иначе.

Неизменной оставалась лишь тишина.

Казалось, каким бы шумным и суетным ни был внешний мир, остров Ду стоял здесь в стороне от всего — безмолвный, отрешённый.

Интересно, не одиноко ли жить тут постоянно?

Машина остановилась перед особняком, у фонтана.

Чаша была полна снега, земля вокруг — тоже; ни одного следа.

Внутри днём всё было как прежде — тепло и сумрачно.

Все шторы задёрнуты наглухо: ни один лучик дневного света не проникал в дом.

Поднимаясь по лестнице, Нин Цюянь не удержался и задал вопрос, который мучил его с тех самых пор, как он вернулся сюда. В свете тех невероятных обсуждений на форуме это вдруг перестало казаться полной чепухой.

"Говорят, вампиры сгорают от ультрафиолета в солнечном свете..."

Он нервно спросил, и дядя Кан невозмутимо ответил:

— Господин не очень любит двигаться. Всё время спит. Иногда спускается, но свет и звук мешают ему отдыхать. А если он не выспится, настроение у него портится.

Это напомнило Нин Цюяню: Гуань Хэн — больной человек.

У тяжёлых больных действительно плохой сон. Его мать, когда болезнь обострилась, тоже могла проспать целые сутки.

И всё же — ради того, чтобы хозяин мог «иногда спуститься вниз», весь дом постоянно поддерживал идеальные условия для сна. Это было чересчур.

Нин Цюянь в очередной раз ощутил: для Гуань Хэна все обитатели этого дома существовали лишь затем, чтобы служить ему.

Дядю Кан поселил его в ту же комнату, что и в прошлый раз.

Всё по-прежнему, только в вазе у кровати стоял свежий букетик белых цветов.

По обыкновению, доктор Лин должен был сперва взять кровь на анализ перед завтрашней процедурой.

Но на этот раз дядя Кан, дождавшись, пока Нин Цюянь разложит вещи, сказал, что Гуань Хэн хочет его видеть.

— Прямо сейчас? — Нин Цюянь опешил.

— Сейчас, — элегантно кивнул дядя Кан. — Господин ждёт тебя наверху.

Хотя они разговаривали по телефону только утром, Нин Цюянь всё равно разволновался — он совершенно не был готов к тому, что увидит Гуань Хэна так скоро.

Дядя Кан проводил его наверх и остановился у двери:

— Просто заходи.

Нин Цюянь вошёл.

Стоило ему сделать шаг внутрь, как дядя Кан закрыл за ним дверь.

В центре комнаты горел камин, окружённый стеклянным ограждением.

Рядом стояла кожаная кушетка — вместо прежнего чёрного бархатного кресла. На ней лежали плед и рыжеватый мех, уже потемневший от времени.

В остальном обстановка, кажется, не изменилась с прошлого раза.

Гуань Хэна не было.

Но комната была пропитана его холодным, чистым ароматом.

Нин Цюянь подумал: может, он снова за той медовой деревянной ширмой и вот-вот выйдет, как тогда?

Он нерешительно позвал: «Господин Гуань» — и подождал. Никто не отозвался. Может быть, за ширмой был проход куда-то ещё на этом этаже.

На третьем этаже, похоже, было холоднее, чем в остальном доме.

Нин Цюянь оставил куртку внизу, в своей комнате; на нём был только свободный свитер, и он уже ощутимо замёрз.

Он подошёл к камину и обнаружил, что от него нет никакого тепла: специальное стекло наглухо отсекало жар, превращая живое пламя в зимнее украшение. Хозяину, похоже, было безразлично, согревает оно или нет.

Нин Цюяню ничего не оставалось, кроме как сесть на кушетку и подышать на озябшие руки.

И тут его резко опрокинуло назад.

Словно кто-то толкнул.

Лицо Гуань Хэна возникло прямо над ним — ресницы опущены, взгляд сверху вниз.

Ворот свитера был слишком широким.

Мех щекотал обнажённую шею Нин Цюяня и ключицы, которые учащённо вздымались от сбившегося дыхания.

В этот миг реальность и сон причудливо совпали; кровь хлынула к сердцу.

А взгляд Гуань Хэна был прикован к пульсирующей артерии на его шее — взгляд

прирождённого хищника.

Нин Цюянь не заметил, что мелко дрожит — как маленькая добыча.

Через несколько секунд выражение лица Гуань Хэна смягчилось. Он произнёс:

— Пугливый ребёнок.

<http://bllate.org/book/17881/1710799>